

А. В. Сушков
**ВОЙНА, ЛЮБОВЬ И ХЛЕБОЗАГОТОВКИ:
ИЗ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ СЕКРЕТАРЯ РАЙКОМА ПАРТИИ**

Личная жизнь руководящих работников партийно-государственного аппарата, наряду с их служебной деятельностью, находилась под пристальным контролем вышестоящих партийных инстанций. Разбирательства по поводу их «поведения в быту» занимали не последнее место в повестках дня заседаний партийных комитетов, правда далеко не всегда эти вопросы находили отражение в оформленных по итогам заседаний протоколах. С течением времени количество рассмотренных «персональных дел» менялось, в зависимости от установок верховной власти реакция партийных инстанций либо ужесточалась, либо смягчалась.

В период Великой Отечественной войны, когда организационно-партийная работа по понятным причинам находилась в состоянии стагнации, доля бытовых «персоналок», где главными фигурантами выступали нерядовые коммунисты, заметно сократилась. И потому особый интерес представляет «дело», рассмотрение которого пришлось на самый разгар Великой Отечественной войны. Касалось оно личной жизни П. — 37-летнего первого секретаря одного из сельских райкомов ВКП(б) Свердловской области. Поводом для внутрипартийных разбирательств послужили семейные скандалы, получившие широкую огласку и дискредитировавшие районного руководителя.

На партийной работе П. оказался при не вполне обычных обстоятельствах. Рано проявившиеся организаторские способности и хорошая обучаемость позволили молодому токарю-коммунисту завода занять место мастера, затем — начальника смены. Но непреодолимым препятствием для дальнейшей работы на заводе стало слабое здоровье. Еще в юности он перенес подряд две операции по поводу грыжи и аппендицита, в связи с чем провел на больничной койке полгода, а затем еще полгода восстанавливался. В середине 1930-х гг. о себе заявила новая болезнь — туберкулез легких.

Администрация и парторганизация завода не остались безучастными к своему работнику: его неоднократно направляли на санаторно-курортное лечение, перевели на более легкую работу в ОРС завода, затем — в партком; трижды П. поправлял свое здоровье в течение нескольких месяцев в местных специализированных медучреждениях. Улучшения, однако, не наступало. Ввиду регулярных обострений болезни и по настоянию врачей П. был вынужден окончательно уйти с завода. Не по силам, да и не столь актуальной стала учеба в техникуме.

Жизнь заставила его кардинально сменить сферу деятельности. Одновременно с лечением в больнице он по направлению заводской парторганизации посещал трехмесячные курсы пропагандистов. По их окончании бывший заводской мастер был вынужден согласиться на совершенно незнакомую ему, низкооплачиваемую низовую партийную работу в должности заведующего районным парткабинетом.

Впрочем организаторские способности и быстрая сменяемость кадров в условиях массовых репрессий позволили ему быстро подняться по номенклатурной лестнице. Кроме того, благоприятные условия труда способствовали заметному улучшению состояния здоровья. В итоге незадолго до начала войны обком партии счел успешную работу П. на партийно-пропагандистском поприще, приобретенный им опыт работы на заводе, два курса техникума, десятилетний партийный стаж и отсутствие репрессированных среди его родственников и друзей достаточным основанием для выдвижения П. на должность первого секретаря райкома ВКП(б).¹

Каких-либо серьезных претензий к деятельности районного руководителя, несмотря на его незначительный опыт партийной работы, обком ВКП(б) не имел. Осенью 1942 г. первый секретарь райкома был награжден орденом Красной Звезды (в то время только единицы из 20 секретарей обкома партии были удостоены первых наград, а некоторые из них так и встретили Победу с одной лишь медалью).

Сушков Андрей Валерьевич — к.и.н., с.н.с. сектора локальной истории и истории повседневности Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: suschkow@mail.ru

¹ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 42. Д. 2002. Л. 1–2, 4–4об., 6–6об.

Жена секретаря райкома, несмотря на отсутствие детей, нигде не работала, занималась лишь ведением домашнего хозяйства. В годы войны, когда даже многодетные матери, оставшиеся без мужей, вынуждены были трудиться, поведение жены партийного руководителя не могло не вызвать осуждения окружающих. Подобная картина не была исключением среди семей районных чиновников. В Покровском районе, например, колхозники в ответ на призывы районного начальства принять участие в посевной кампании выдвинули условие, что руководители не будут делать поблажек для своих жен-домохозяек и также направят их в поле. Мнение колхозников районные начальники проигнорировали, чем спровоцировали рост недовольства среди населения.²

В отличие от коллег, П. осознавал справедливость подобных требований и в домашних беседах, ссылаясь на отсутствие причин сидеть дома, предлагал жене трудоустроиться, однако понимания у своей второй половины не находил. Более того, жена принялась устраивать дома скандалы, упрекая супруга в том, что тот приносит домой мало денег, и требуя отчет за каждый потраченный рубль; кроме того, стала подозревать его в неверности.

Нужно сказать, что ее подозрения не были беспочвенными: муж действительно начал ей изменять. Еще в начале 1942 г. он стал встречаться с заведующей детским садом одного из рудников. Одновременно флиртовал и с кладовщицей, и с заведующей свинофермой. Визиты к любовницам, а также поездки по району часто сопровождалось обильными возлияниями. Не все участники ночных попок были в состоянии на следующее утро добратся до работы. Скрыть начальственные кутежи и «походы налево» от посторонних глаз в небольших поселениях, где все на виду, не удавалось. В частности, широкую известность в окрестных деревнях получил следующий случай. Секретарь райкома, уходя с «посиделок», прихватил с собой сапоги председателя колхоза. Добровольно вернуть их законному владельцу он отказался. Председатель колхоза уже махнул рукой на причиненный ему материальный ущерб, но инициативу взяла в свои руки его жена и с просьбами помочь снять с секретаря райкома сапоги ее мужа стала обивать пороги райисполкома и районной про-

куратуры. Иногда первый секретарь райкома заявлялся «пьяный в дрезину» на производственные совещания. Поэтому неудивительно, что злоупотребление алкоголем и «половая распущенность» партруководителя стали излюбленными темами обсуждений в районе и породили множество слухов и сплетен.

Информация достигла обкома партии, и секретарь райкома был вызван «на ковер» в Свердловск. В объяснительной записке он признал лишь два случая, когда допускал «выпивку с отдельными хозяйственными работниками». Относительно встреч с заведующей детсадом признался, что был к ней равнодушен и неоднократно навещал ее дома, тем не менее, их взаимоотношения носили исключительно платонический характер: «Но половых актов я с ней не имел и с ней не выпивал».³

Сделанные в обкоме внушения положительным образом подействовали на молодого руководителя: он незамедлительно разорвал отношения с заведующей детсадом. Однако он не удержался и вскоре завязал близкое знакомство со счетоводом колхоза, муж которой воевал на фронте.

Жена первого секретаря райкома, в свою очередь, сложа руки не сидела. Узнав о происходящем, приехала в село, где проживала одна из его любовниц, и развернула среди местных колхозников «сбор компромата». На слухи о похождениях мужа она реагировала бурно. Порой дело доходило до рукоприкладства: во время семейных скандалов она набрасывалась на супруга, и тот на следующее утро являлся в райком с расцарапанным лицом и в таком виде вынужден был проводить заседания либо ездить по району. А однажды жена побила его так, что на следующий день тот не смог явиться на работу.

Районные руководители, включая секретарей райкома и председателя райисполкома, пытались в частных беседах вразумить своего начальника, но мнение коллег П. игнорировал. Особенно негодовала заведующая районным земельным отделом: она подала в бюро райкома заявление с требованием созвать внеочередной пленум районного комитета и на нем обсудить поведение первого секретаря. Невзирая на ранги, она заявила, что в колхозах «о нем говорят как о пьянице и развратном

² Там же. Оп. 38. Д. 88. Л. 55–56.

³ Там же. Л. 112; Оп. 42. Д. 2002. Л. 10–11; Ф. 80. Оп. 62. Д. 656. Л. 410б.

человеке, даже стыдно слушать».⁴ Тем не менее, члены бюро райкома партии, прекрасно осведомленные о происходящем, пред лицом вышестоящих инстанций хранили молчание и вопрос о «бытовом поведении» своего руководителя в Свердловске не поднимали. Правда и областную власть в то время, когда решалась судьба страны, больше интересовали экономические показатели в районе (выпуск снарядов, хлебозаготовки, зимовка скота и т. д.), нежели личная жизнь местного секретаря.

Вопрос о смене первого секретаря райкома партии поставил не обком ВКП(б), не районное руководство и даже не бдительные граждане, а... сам первый секретарь райкома. Случилось это после того, как его жена учинила скандал прямо в здании райкома ВКП(б).

4 декабря 1942 г. представители районной власти во главе с П. присутствовали на колхозном вечере, устроенном по случаю успешного завершения уборочных работ. По окончании официальных мероприятий был организован ужин. Стоявшая на столах водка без внимания районных начальников не оставалась. В райцентр возвращались на лошади уже под утро. Секретарь райкома по кадрам направился спать домой. А первый секретарь вместе с заведующей районным отделом торговли явились в здание райкома ВКП(б), открыли один из кабинетов и устроились там на ночлег (по версии П., та где-то потеряла ключи от квартиры, попросила оставить ее до утра в здании райкома, он же просто проявил соучастие к оказавшейся в сложной ситуации работнице). Спустя некоторое время он отправился домой, оставив свою подчиненную в кабинете. Супругу дома он не застал и, не придав этому значения, лег спать.

А жена П. тем временем предпринимала отчаянные попытки разыскать своего мужа, накануне не вернувшегося с работы. По всей вероятности, она была уже осведомлена о его недавнем местопребывании и потому явилась в райком партии. Никто не посмел возражать жене районного руководителя, когда она потребовала открыть двери всех кабинетов. В одном из них она обнаружила искомое: на полу мирно спала заврайторготделом. Разбудив ее, жена секретаря спросила о своем муже. Та не отпиралась, ответила, что он здесь был. Разгневанная женщина, не стесняясь присутствия уборщиц, закатила скандал.

Неожиданно внимание ревнивой жены привлекла вещь, которую в качестве подушки использовала руководитель районной торговли. Это были женские панталоны. В гневе она выхватила у хозяйки сей предмет гардероба и прошептала домой. Там она застала безмятежно спавшего мужа. Только что добытый трофей обернулся в ее руках оружием возмездия. Без долгих размышлений она отхлестала панталонами своего неверного мужа по лицу.

Избавившись столь необычным способом ото сна, П. около полудня появился на рабочем месте. Об утреннем происшествии уже знал весь райком, включая вездесущий технический персонал. Первый секретарь, собрав членов бюро райкома, заявил им, что после случившегося занимать высокий пост он не может, и поставил вопрос о своем наказании: «Давайте, решайте со мной». Члены бюро отказались выносить какое-либо решение без санкции областного руководства и, в свою очередь, предложили поставить в известность обком партии.⁵

П., несмотря на досрочно прерванный сон и тяжесть утреннего похмелья, действовал вполне осознанно. Он прекрасно понимал, что в обкоме очень скоро станет известно о последних событиях и время работает против него. В район для расследования придут суровые представители оргинструкторского отдела обкома, в функции которых входила проверка деятельности нижестоящих комитетов партии. Рассчитывать на их снисхождение, учитывая имевшиеся ранее предупреждения, не приходилось. Ситуация в таком случае выходила из-под его контроля. Шанс выйти из нее с наименьшими потерями возникал лишь в том случае, если бы районный секретарь обратился к наиболее лояльно настроенному к нему высокопоставленному областному начальнику. Эти доводы стали решающими при выработке дальнейших действий: П. согласился с мнением членов бюро и предпочел не дожидаться неминуемого, а лично явиться в обком с повинной.

Доверить свою судьбу он предпочел второму секретарю областного комитета ВКП(б) А. Б. Аристову. Аверкию Борисовичу по должностным обязанностям доводилось решать вопросы, связанные с производством на одном важном военном заводе, находившемся на территории района. Особый спрос за

⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 38. Д. 88. Л. 112об.

⁵ Там же. Л. 112об.–114.

его работу был как с директора завода, так и с местного первого секретаря. Предприятие с правительственными заданиями успешно справлялось, в результате чего секретарь райкома оказался в одном наградном списке с А. Б. Аристовым (вероятно, не без содействия последнего).

П. заказал телефонные переговоры со вторым секретарем обкома и договорился с ним о приеме. Членам бюро он сообщил, что подводить их не хочет и намерен один нести весь груз ответственности. Его слова не были пустыми фразами: обком партии действительно мог предъявить претензии к остальным секретарям райкома и к начальнику районного отдела НКВД, поскольку с их стороны не было сигналов о «бытовой распущенности» первого секретаря.

Объяснительную записку от 8 декабря, адресованную на имя А. Б. Аристова, П. начал весьма самокритично: «За последние месяцы работы в районе я, как секретарь РК, сам себя скомпрометировал своим поведением». Правда ниже принялся уверять Аристова в своей невиновности: «Систематической выпивкой я не занимался, выпиваю — правда, но редко, главным образом в период праздников. Ранее до настоящего поступка я никогда не занимался бытовым разложением, это могут подтвердить целая группа товарищей». Тут же стал каяться по поводу скандала с панталонами: «Но вот совершился факт, который морально убивает меня, факт моей позорливой слабости по разрешению семейно-бытового вопроса и моего поведения». Между делом не преминул напомнить о своих заслугах: «Всегда, где бы ни работал, всегда с работой справлялся честно и с хорошей оценкой вышестоящих руководящих организаций и работников. За время пребывания в партии никаких замечаний не имел. За время работы секретарем РК промышленные предприятия с заданием справляются». А в заключение обратился с просьбой: «Я прошу Вас дать возможность искупить свою ошибку на любой работе, которую мне доверит партия, помочь мне смыть всю эту грязь».⁶

Для всех причастных к «делу» было очевидно, что первого секретаря райкома нужно не только освободить от должности, но и переводить в другой район: о панталонах, оказавшихся в центре последних событий, уже

на следующий день судачил весь райцентр. К подготовке необходимых документов подключился оргинструкторский отдел обкома ВКП(б). Работники отдела выехали на место событий и опросили руководителей, взяв с некоторых из них письменные объяснения.

Как и следовало ожидать, реакция отдела была резкой. Тональность справки, составленной инструктором отдела для бюро обкома ВКП(б), была задана с первых же строк: «Проверкой установлено, что первый секретарь... вместо организации партийного актива и коммунистов на успешное выполнение предприятиями, колхозами и совхозами района обязательств, взятых в новогоднем письме и полугодовом рапорте тов. Сталину, встал на путь морально-бытового разложения, пьянства и половой распущенности, чем дискредитировал себя как секретарь райкома ВКП(б)». В справке подробно описывались деяния районного руководителя, а также безуспешные попытки обкома партии повлиять на его поведение без наложения взысканий. Досталось и членам бюро райкома. Как указывал инструктор, они, зная о «непартийном поведении» П., «продолжительное время скрывали это от обкома ВКП(б), занимались увещанием», «чем усугубляли его морально-бытовое разложение».⁷

Ситуация складывалась не в пользу районного руководителя. Первого секретаря обкома ВКП(б) В. М. Андрианова отличал жесткий стиль руководства, он не церемонился с провинившимися секретарями горкомов и райкомов партии. Только открытыми (без грифа «особая папка») постановлениями бюро обкома ВКП(б) в 1942 г. один секретарь был исключен из партии, пятеро получили строгие выговоры, еще двое — простые. Первый секретарь райкома П. вполне мог ожидать серьезных взысканий, вплоть до исключения из номенклатуры и из партии.

Судьба его решалась на заседании бюро обкома ВКП(б). Принятое постановление было весьма лаконичным: П. переводился на аналогичную должность за несколько сотен километров от места его прежней работы, на другой край области, без каких-либо взысканий и указаний на причины кадровых перемещений. Собранные оргинструкторским отделом материалы, таким образом, были проигнорированы.

⁶ Там же. Л. 114–115об.

⁷ Там же. Л. 112–113.

Расчет секретаря райкома вполне себя оправдал: А. Б. Аристов действительно взял его под защиту. Мотивом для второго секретаря обкома ВКП(б) послужила, безусловно, слаженная работа райкома партии и заводского руководства по выпуску необходимой для фронта военной продукции. В пользу районного руководителя свидетельствовали и общие экономические показатели в районе: промышленность с каждым годом в полтора-два раза увеличивала выпуск продукции, по итогам 1942 г. план хлебозаготовок был выполнен на 100 %, план мясозаготовок — на 99 %, а поставки картофеля и овощей даже превысили плановые задания.⁸

Переводился секретарь райкома на очень сложный участок работы, в район не только с развитой промышленностью, на территории которого располагались важные военные заводы, но и имевший выраженную аграрную направленность. Сразу оба руководителя этого района — первый секретарь райкома и председатель райисполкома — были освобождены от своих обязанностей по состоянию здоровья.

Решение бюро обкома ВКП(б), несмотря на вынужденный отход в военных условиях от уставных норм, подлежало формальному утверждению пленумом райкома. Рядовой, не чрезвычайный характер кадровых перемещений в руководстве района подчеркивался тем обстоятельством, что областная власть не сочла нужным послать на районный пленум своего представителя, приехал только новый первый секретарь, также утвержденный решением бюро обкома. Первым вопросом повестки дня пленума стал отчет о деятельности бюро райкома ВКП(б) с апреля 1941 г., т. е. за период работы П. в должности районного руководителя. Разумеется, он сам и делал доклад, в котором тщательно перечислил достижения в районе.

Первые выступления в прениях не предвещали каких-либо осложнений: в них звучали лишь формальные призывы усилить работу по подготовке к весеннему севу, более требовательно относиться к проверке исполнения принятых решений, улучшить снабжение рабочих и т. д. Но вот на трибуну поднялась воинственно настроенная заведующая районным земельным отделом. Начала она с жесткой и адресной критики пред-

седателей колхозов, которые срывали план по хлебозаготовкам, «разлагались в бытовых вопросах», и тут же указала на корень зла — на сидевшего в президиуме первого секретаря райкома. Со всей большевистской принципиальностью заведующая райзо перечислила многочисленные примеры его прелюбодеяний и прочих «грязных дел». П., в свою очередь, чувствовал себя весьма неудобно и постоянно перебивал выступающую репликами.

Защитить своего предшественника считал нужным новый первый секретарь. Взяв слово сразу после заведующей райзо, он отметил, что заводы работали хорошо, многие работники получили правительственные награды, что на пленуме нужно обсудить «деловой характер доклада», а обвинения, выдвинутые предыдущим оратором, следует еще проверить, дабы они не были голословными. И для пущей убедительности добавил, что мнение о предыдущем районном руководителе в обкоме партии неплохое, он «...перебрасывается в другой район для укрепления, а не потому, что не может быть руководителем парторганизации в нашем районе».

Конечно, в зале нашлись те, кто «держал нос по ветру». Сработала и мужская солидарность. Один из участников пленума заявил, что критиковать первого секретаря нужно было раньше, до пленума, а секретарь райкома по кадрам, в кабинете которого произошла нашумевшая скандальная сцена, в свою очередь, упрекнул заведующую райзо в том, что та редко бывает в колхозах.

Но заведующей райзо удалось «завести» зал. Вышедшая к трибуне заведующая оргинструкторским отделом райкома легко свела на нет усилия нового районного руководителя: она привела слова первого секретаря обкома В. М. Андрианова о том, что в военных условиях к поведению руководителя, его общественной деятельности и «бытовой жизни» предъявляются особенно высокие требования. Почти все последующие выступавшие также останавливались на «скользких сторонах в бытовом вопросе», «вывихах в быту» бывшего первого секретаря и рекомендовали ему впредь быть более требовательным к своему поведению. Завершился пленум по написанному заранее сценарию — кадровыми перестановками.⁹

⁸ Там же. Л. 78; Оп. 42. Д. 2002. Л. 8; Ф. 80. Оп. 62. Д. 656. Л. 54, 56.

⁹ Там же. Ф. 1359. Оп. 1. Д. 646. Л. 1–106.; Ф. 80. Оп. 62. Д. 656. Л. 40–460б.

Несмотря на пережитые партийным начальником неприятности, можно сказать, что ему удалось «выйти сухим из воды». Он развелся со скандальной женой и отбыл к новому месту работы. Там, в свою очередь, также состоялся пленум райкома по его утверждению в новой должности.

Правда в новом районе ему довелось поработать всего несколько месяцев, до следующей хлебозаготовительной кампании. Пьянство, как ни пытался его скрыть районный руководитель, до добра не довело. После одной из ночных пооек, устроенных в разгар уборки урожая, первый секретарь райкома явился в правление колхоза, сел на стул, но не удержался и упал. Колхозники унесли его спать. В это же самое время работник областной прокуратуры, который находился в районе как представитель областной власти на хлебозаготовках, также участвовавший в ночной попойке, выехал в поле. Увидев там неработающий комбайн, он выхватил пистолет и угрожал пристрелить бригадира и комбайнера.

Спустя всего несколько дней П. стал виновником трагедии. Он приказал водителю закрепленного за райкомом мотоцикла переплыть реку. Выполняя этот приказ, мотоциклист утонул. Как позже было установлено, ни первый секретарь райкома, ни присутствовавший работник прокуратуры не пытались оказать помощь утопающему, и вообще они сделали вид, что ничего не произошло.

Все эти события привлекли внимание обкома партии, который учинил ревизию состояния дел в районе. Проверка показала, что к середине сентября здесь было убрано лишь 30 % засеянных площадей, сдано государству только 20 % зерна от плановых заданий, а поголовье крупного и мелкого рогатого скота за последние полгода сократилось почти на 10 тыс. голов. Состояние животноводства в районе было столь плачевным, что этой теме была посвящена специальная статья в «Правде».¹⁰

Взять под защиту секретаря райкома на этот раз было некому: решением Секретари-

ата ЦК ВКП(б) А. Б. Аристов был назначен вторым секретарем Кемеровского обкома партии. В областном комитете сошлись во мнении, что лимит на увещевания П. давно исчерпан. Последовавшее решение бюро обкома ВКП(б) было жестким. С формулировкой «за саботаж хлебозаготовок и срыв уборки урожая, за провокационное хулиганское поведение в колхозах» первый секретарь райкома был снят с должности, исключен из партии и отдан под суд.¹¹ Дальнейшие следы бывшего районного партийного руководителя, способного организатора, так и не сумевшего обуздать свои страсти и слабости, теряются в военном лихолетье.

Драматические повороты судьбы первого секретаря райкома свидетельствуют о том, что, несмотря на трудности военного времени, партийная система власти по мере возможности стремилась поддерживать собственный авторитет в глазах населения, применяя к дискредитировавшим ее руководителям меры «партийного воспитания» и наказания. Вместе с тем война вынуждала власть не только предоставлять местным управленческим структурам большую хозяйственную самостоятельность, но и идти на некоторые уступки относительно соблюдения партийной номенклатурой строго регламентированных морально-этических норм поведения. Этим и обусловлена готовность вышестоящих партийных органов закрывать глаза на асоциальное поведение некоторых партийных чиновников либо ограничиваться их «условным наказанием», правда лишь до тех пор, пока те справлялись с возложенными на них должностными обязанностями, пока подведомственные им промышленные предприятия, колхозы и совхозы выполняли планы по поставкам на фронт вооружений, боеприпасов, продовольствия. В случае невыполнения данного условия следовала жесткая реакция «сверху», а былые морально-бытовые прегрешения становились серьезными отягчающими обстоятельствами.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война 1941–1945 гг., партийно-государственная система власти, меры «партийного воспитания» и наказания, Свердловский обком ВКП(б), райком ВКП(б), А. Б. Аристов, личная жизнь*

¹⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 42. Д. 2002. Л. 14–14об.; Ф. 1359. Оп. 1. Д. 646. Л. 49–56.

¹¹ Там же. Ф. 4. Оп. 42. Д. 2002. Л. 12; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 129. Л. 58.

Andrei V. Sushkov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: suschkow@mail.ru

WAR, LOVE AND BREAD PROCUREMENT: NOTES FROM THE PRIVATE LIFE
OF A REGIONAL COMMUNIST PARTY SECRETARY

The article uses the materials of the “personal dossier” of the first communist party secretary of one of the rural Communist Party committees of the Sverdlovsk region to study the specifics of the organizational and party work during World War II. The subject matter of the disciplinary investigation by the Sverdlovsk Regional committee of the Communist Party included alcohol abuse, adultery and, as a result, family quarrels which became public and hence discredited the regional party officer. During the war the authorities were prepared to slacken a bit the tough moral and ethical norms prescribed for the party nomenclature subject to the condition that the factories, collective farms and state farms supervised by a “misbehaving” party leader fulfilled the plans for the supply of military equipment, ammunition and food to the front lines. Otherwise the orders from “the top” could be harsh, and any previous moral and ethical “sins” could be treated as the serious aggravating circumstances.

Key words: *the Great Patriotic War of 1941–1945, the party-state power system, measures of «the party ascendancy» and penalty, Sverdlovsk regional party committee of The Communist (Bolshevik) Party of the Soviet Union, district party committee of The Communist (Bolshevik) Party of the Soviet Union, A. B. Aristov, private life*